

Р. Вассена

«РУССКАЯ ИДЕЯ» ДОСТОЕВСКОГО В СОЗНАНИИ «РАССУЖДАЮЩИХ» И «НЕРАССУЖДАЮЩИХ» ЧИТАТЕЛЕЙ

(Из истории восприятия
«Дневника писателя» 1876–1877 гг.)

В науке о Достоевском вопрос о связи творческого процесса писателя с проблемой читательского восприятия художественного произведения уже поставлен.¹ Сам Достоевский считал долгом каждого писателя «до того ясно выразить в лицах и образах романа свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно так же понимает мысль писателя, как сам писатель понимал ее, создавая свое произведение» (18; 80). По мнению Б. С. Мейлаха, при создании своих романов Достоевский ориентируется на определенный тип читателя: рассуждающего, компетентного в литературной сфере, способного понимать суть его мысли и углубляться в ее философские и этические аспекты.² Тем не менее, из писем и записных книжек Достоевского можно заключить, что отношение писателя к такому «компетентному читателю» уже с самого начала его литературной деятельности оказалось весьма сложным. В письмах 1846 г. к брату Михаилу изложены первые впечатления молодого писателя, полученные от знакомства с видными представителями петербургского литературного мира: Достоевский рассказывает брату о встрече с Некрасовым и Белинским и гордо описывает их восторженные отклики на роман «Бедные люди». Тем не менее, восторг писателя скоро превращается в разочарование и горькую констатацию враждебности и зависти литературного мира: Достоевский старается сформулировать для себя критерии надежного и прочного успеха. В письме от 1 февраля 1849 г. А. А. Краевскому писатель, рассуждая о своих разногласиях с критикой по поводу «Двойника», ставит важный вопрос: «Но несмотря на все это, с 1-го января прошлого года сочинения мои чем далее, тем более хвалятся публикою. Это верно, и я это знаю. То есть что же тут было такого, почему они, несмотря на падение мое в 47 году, несмотря на

---

¹ См. напр.: *Беленеску С.* Образ читателя в творчестве Достоевского // *Достоевский. Материалы и исследования.* СПб., 1996. Т. 13. С. 216–221; *Мейлах Б. С.* Талант писателя и процессы творчества. Л. 1969; *Назирова Р. Г.* Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // *Творческий процесс и художественное восприятие.* Л., 1978. С. 216–236; *Сдобнов В. В.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: текст и восприятие. Тверь, 1999.

² См.: *Мейлах Б. С.* Талант писателя и процессы творчества. С. 200.

авторитетные нападки Белинского и проч., начали читаться и выходить в люди?» (28₁; 148). Еще значительнее — ответ, который он сам находит: «Ответ: что, стало быть, есть во мне столько таланту, что можно было преодолеть нищету, рабство, болезнь, азарт критики, торжественно хоронившей меня, и предубеждение публики. След<овательно>, если есть во мне талант действительно, то уж нужно им заняться серьезно, не рисковать с ним, отделывать произведения, а не ожесточать против себя своей совести и мучаться раскаянием, и наконец, щадить свое имя, то есть единственный капитал, который есть у меня» (Там же).

Уже в первые годы литературной деятельности в контингенте своих читателей Достоевский замечает особенность, которая часто будет проявляться при выходе его романов: разрыв между негативным отзывом критики, которая обращала большое внимание на недостатки автора, и положительной реакцией публики, которая все равно покупала и читала его романы: «Меня всегда поддерживала не критика, а публика» (24; 301). По словам М. М. Бахтина, со временем Достоевский больше «не приглашает к своему пиршественному столу литературоведов»³: писатель хорошо знал, что на мнение «компетентного читателя» влияет преимущественное направление данного исторического момента, принадлежность журнала или газеты, с которой он сотрудничает, к тому или иному «лагерю» в общественной расстановке сил, политическая партия, к которой его относят. Поэтому Достоевский считал определяющей поддержку «обычного читателя», который, будучи лишен побочных соображений, отличался более искренним и непосредственным подходом к произведению. Считая долгом каждого писателя вживаться в сознание среднего читателя, Достоевский, как и его современники, с начала 1860-х гг. стал изучать мнения русских читателей, чтобы сосредоточиться на тех вопросах, которые вызвали общий интерес.⁴ В. В. Сдобнов определяет новое направление писателя общим понятием «эффектная идея», которая связана с важнейшими вопросами текущего и способна потрясать большую аудиторию своими моральными и социальными импликациями.⁵ Итак, начиная с 1860-х гг. в творческом сознании Достоевского созревание интереса к «деталю текущего» и их глубинному значению сочетается с осознанием важности «обычного читателя». Видя в ежедневных фактах главный двигатель инте-

---

³ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 529.

⁴ Доказательством являются заметки для будущих статей в записных книжках 1860–1862 гг.: «Наша теперешняя литература и наша теперешняя публика. 1) Публика и литература — кто кого определил? 2) Портреты публики, историческое ее состояние» (20; 152).

⁵ См.: Сдобнов В. В. Об «эффектной идее» у Ф. М. Достоевского // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982. С. 59–69. Желание заинтересовать читателя и «заставить» его пережить эмоции — и автора, и героя — Достоевский выразил уже в молодости, в письме от 31 октября 1838 г. к брату Михаилу: «...одно помышление о том, что некогда вслед за твоим былым восторгом вырвется из праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновение, как таинство небесное, освятит страницы, над которыми плакал ты и будет плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась в душу поэта и в самые минуты творчества» (28₁; 54–55).

реса публики, Достоевский придает новое направление своему художественному творчеству, которое Л. П. Гроссман определяет так: «От раннего преклонения перед началами художественной законченности он переходит к новому верховному принципу повествовательного искусства — занимательности. Он считает теперь возможным жертвовать всеми канонами формы и классическими предписаниями академий во имя осуществления своей главной задачи — поразить, заинтриговать или ошеломить читателя с первых же строк, чтоб затем до конца не выпускать его из-под власти своего рассказа»⁶.

Одним из самых успешных результатов концепции «эффективной идеи» является «Дневник писателя» 1876–1877 гг., который дал Достоевскому возможность активно участвовать в русской общественной жизни и оказаться в роли руководителя молодого поколения. Успеху способствовал и оригинальный жанр издания, определенный автором так: «„Дневник писателя“ будет похож на фельетон» (29₂; 73). Этот жанр обладал действительной новизной и одновременно стал главной проблемой для самого писателя: «Все буквально не понимают, что такое „Дневник“, журнал или книга?» (письмо Я. П. Полонскому от 4 февраля 1876 г. — 29₂; 74); «Меня уверяли, что будет неясно, что такое „Дневник“, — разъясню, что такое „Дневник“» (Записная книжка 1875 г. — 24; 97). Такое недопонимание отражается и в отзывах современной Достоевскому критики, которая определяла издание как «ребяческий бред»⁷, «сумбур»⁸, «нервическую чепуху»⁹ — и в научных исследованиях XX в.: до 1970-х гг. критики не ставили проблемы специфики жанра «Дневника писателя»¹⁰, называя его «журналом»¹¹, «обширным сочинением о русской современности 1876–1877 гг.»¹², «философией истории»¹³ или неопределенно — «изданием». Только в последнее тридцатилетие XX в. некоторые авторы научных работ — советские и американские — разглядели важность проблемы жанра и структуры «Дневника писателя» для понимания его значения и ценности.¹⁴ В частности, критики обратили внимание на роль в «Дневнике

⁶ Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М., 1925. С. 11–12.

⁷ Новости. 1876. 7 февраля. № 38.

⁸ Новое время. 1876. 11 января. № 10.

⁹ Сын отечества. 1876. 4 февраля. № 29.

¹⁰ Попытки анализировать «Дневник писателя» как публицистическое произведение см. в следующих работах: Сидоров В. А. О «Дневнике писателя» // Достоевский. Статьи и материалы. Сб. II. М.; Л., 1924. С. 109–118; Десницкий В. А. Публицистика и литература в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 11.

¹¹ См. например: Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 1. С. 376; Бурсов Б. И. Толстой и Достоевский // Вопросы литературы. 1964, № 7. С. 75; Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М., 1964. С. 312.

¹² Полевой П. Н. История русской литературы в очерках и биографиях. СПб., 1883. С. 382.

¹³ Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1962. С. 417.

¹⁴ Дмитриева Л. С. О жанровом своеобразии «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (к проблеме типологии журнала) // Вестник Московского Университета. 1969, № 6. С. 25–35; Туниманов В. А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. М., 1972. С. 165–209; Волгин И. Л. Достоевский жур-

писателя» стилистических и риторических приемов, не только дневника — исповеди и фельетона, но и проповеди.¹⁵

А между тем уже в 1876 и 1877 гг. «обычные читатели», в отличие от критики, лучше сумели понять своеобразную внутреннюю логику «Дневника писателя», часто осуществляя оригинальную «настройку частот» на одну «волну» с автором и его намерениями. На самом деле, использование определенных литературных жанров и стилистических приемов в «Дневнике писателя» позволило Достоевскому достичь целей, которые вышли за рамки традиционных целей каждого из этих жанров в отдельности. Достоевский воспользовался специфической формой, чтобы произвести определенный эффект на публику. Богатым материалом для понимания такой роли жанров и ответной реакции русского общества являются статьи о «русской идее» и «восточном вопросе».

В структуре «Дневника писателя» «восточный вопрос» занимает важное место: мысль о значении войны для осуществления русской миссии в мире является той творческо-идеологической опорой, которая поддерживает большинство выпусков «Дневника писателя» с июня 1876 до апреля 1877 г., когда Россия вступила в конфликт, и далее — до декабря 1877 г. Нас интересуют не столько моральные и философские аспекты мирозерцания Достоевского, которым посвящено немало научных работ, сколько стилистические и риторические приемы, которые писатель употреблял, чтобы убедить читателей в правоте «русской идеи»: на самом деле, именно разное восприятие этих приемов критикой и публикой часто вызывало различное отношение к заветной идее Достоевского.

В «Дневнике писателя» Достоевский преследовал прежде всего педагогические цели: уже с начала издания он старался внушить читателю идею об «общечеловечности» русского национального характера и о необходимости единения общества с народом, особенно — при рассмотрении женского вопроса и проблемы «отцов и детей».¹⁶ Тем не менее, с лета

налист («Дневник писателя» и русская общественность). М., 1982; Захарова Т. В. «Дневник писателя» как оригинальное жанровое явление и идейно-художественная целостность // Творчество Достоевского. Искусство синтеза. Екатеринбург, 1991. С. 251–284; *Ее же*. К вопросу о жанровой природе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII—XIX вв. Л., 1974. С. 163–177; *Ее же*. Принцип двуплановости в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Факт, домысел, вымысел в литературе. Иваново, 1987. С. 87–98; Морсон Г. С. The boundaries of genre: Dostoevsky's «Diary of a writer» and the tradition of literary utopia. University of Texas Press. Austin, 1981.

¹⁵ Евдокимова О. В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 177–191.

¹⁶ Для уяснения специфики «женского вопроса» в «Дневнике писателя» 1876 г. см. майский и июньский выпуски, а 1877 г. — сентябрьский выпуск. Для характеристики темы молодого поколения в «Дневнике писателя» 1876 г. см. мартовский выпуск, глава 2, § 4; декабрьский выпуск, глава 1, § 4. В «Дневнике писателя» 1877 г. — см. майский-июньский выпуск, глава 1, § 2. С темой «отцов и детей» связана и тема «случайного семейства» (январский выпуск, глава 1, § 2, 3; глава 2; февральский выпуск, глава 2; майский выпуск, глава 2, § 1 за 1876 г., а также январский выпуск, глава 2, § 5; июль-августовский выпуск, глава 1, § 2, 3, 4 за 1877 г.).

1876 г. проповедь писателя становится все активнее и активнее. Достоевский убедился в необходимости активизировать осуществление своего педагогического проекта в ходе развития событий на Балканах и особенно — после создания в июне 1876 г. Русского народного добровольного движения в помощь славянским братьям. Такие события предоставляли идеальную возможность для реализации его теорий о русской миссии и о мировом распространении христианско-православной истины. В декабрьском выпуске 1876 г. писатель наконец определил, в чем заключается смысл всего издания: «Главная цель „Дневника“ пока состояла в том, чтобы по возможности разъяснить идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее, по возможности, в текущих представляющихся фактах» (24; 61). Природа такой цели не столько политическая, сколько моральная: «Из наших статей о „славянском движении“ нынешнего года читатели, может быть, уже уяснили себе, что „Дневник“ желал <...> указать, что дело для нас состоит не в одном славизме и не в политической лишь постановке вопроса в современном смысле его. <...> Ибо главная сущность всего дела, по народному пониманию, заключается несомненно и всецело лишь в судьбах восточного христианства, то есть православия» (24; 61). Повышение торжественного тона проповеди Достоевского способствовало эмоциональной вовлеченности читателей «Дневника писателя» в процесс общения.

А. В. Чичерин находит изначальные свойства стиля Достоевского в повторении однотипных слов и конструкций, скоплении синонимов, эпитетов, метафор. В статьях «Дневника писателя» о «восточном вопросе» эти стилевые особенности целенаправленны, призваны повысить силу убеждающего слова писателя и увеличить эмоциональное вовлечение читателя. Примером такой целенаправленности является январский выпуск 1877 г., в котором использование и повторение подобных стилистических приемов придает речи автора особенную торжественность.

Первый абзац главки «Три идеи» январского номера «Дневника писателя» 1877 г. начинается страстным призывом писателя к читателям, чтобы каждый выразил наконец свои убеждения, не боясь никаких нападков: «После целого года нашего издания нам кажется уже позволительно это высказать. <...> Повторяем: нам кажется, что теперь надо как можно откровеннее и прямой *всем* высказываться, не стыдясь наивной обнаженности иной мысли» (25; 6). После такого впечатляющего начала, призванного возбудить энтузиазм читателя, Достоевский представляет три идеи, встающие перед миром: идею католическую, идею протестантскую и идею славянскую, которая воплотится единением всех славянских народов под руководством России для морального возрождения мирового общества. Возлагая на католицизм главную ответственность за распространение социализма и утилитаристского отношения к жизни и находя в протестантизме религию, родившуюся только для того, чтобы противостоять католицизму, Достоевский пророчесствует о скором упадке первого и о последующем исчезновении второго; писатель, свидетельствующий о

событиях того времени, когда Россия готовилась к вступлению в конфликт против турок, предвещает роль славянской идеи и православия для решения судеб человечества: «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. Всем ясно теперь, что с разрешением Восточного вопроса двинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно и которая, во всяком случае и наименее говоря, не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно» (25; 9). Стилистические приемы проповеди автора «Дневника писателя» находят в этих строках яркое выражение. Чарующая метафора восходящей восточной звезды и употребление прилагательных и наречий «небывалый и неслыханный», «чрезвычайно сильно и решительно» придают патетическое звучание пророчеству автора, которое дополнительно усиливается выражениями «всем ясно, конечно <...> никто не сомневается». Спровоцировав эмоциональное вовлечение читателя, Достоевский старается внушить ему центральные понятия обновления и всеобщности, через повторение слов «новый <...> новая», «мировая <...> нарождающаяся <...> человеческие <...> человечество <...> мировые»; этимологические корни этих слов в комбинации с разными суффиксами будут снова появляться во всех выпусках «Дневника писателя», так же как корень «общ-» в словах «общий, общечеловек, общечеловечность» и слово «сознание». Достоевский часто употребляет и корень «вер-» — в вариантах «верить / веровать, верящий, доверить / доверять, вера, доверие, уверен, верно» и т. д.¹⁷ В тексте «Дневника писателя» 1877 г. можно насчитать повторение корня «вер-» до восьмидесяти раз в каждом выпуске: это значит, что в течение 12 месяцев преданный читатель «Дневника писателя» призывался верить словам автора около 960 раз! Многократное использование таких приемов и приобретенная уверенность читателя в правоте автора благодаря его исповеди в прошедших выпусках «Дневника» позволяли проповеди Достоевского внедриться в сознание читателя и не обнаруживать утопический характер, который мог бы поставить под сомнение ее разумность.

Наряду с методом «риторических амплификаций», направленных на вовлечение читателя, автор «Дневника писателя» использовал и метод «правдоподобия». В январский выпуск 1877 г. Достоевский включает историю о Фоме Данилове, русском герое, замученном в турецком плену, но не отказавшемся от веры; подробная информация о его местожительстве, имени и возрасте его жены и дочери делает такого героя конкретным, реальным, близким всем. Далее Достоевский настаивает на том, чтобы

¹⁷ Например, во второй главе январского выпуска 1877 г., в главке «Примирительная мечта вне науки», корень «вер-» повторяется около 25 раз в вариантах *верить, вера, верно*; «общ-» повторяется 13 раз в вариантах *общий, общение, всеобщий, общественный, общечеловечность, общечеловек, приобщить, сообщить*; «мир-» повторяется 10 раз в словах *мир, мировой, всемирный* (см.: 25; 17–20).

Россия стремилась к великому идеалу и каждый молодой русский стремился стать героем: «Что в том, что не живший еще юноша мечтает про себя со временем стать героем? <...> Такая вера в себя не безнравственная и вовсе не пошлое самохвальство» (25; 18–19).

Содержание каждого номера «Дневника писателя» соответствует определенным правилам постройки. Проповедь Достоевского приобретает смысл в целом, в чередовании и подборе разных частей, а не в их делении, не в анализе, стремящемся обнаружить «статистику» или «математическую логику». Вот причина, по которой Достоевский в конце январского выпуска 1877 г. помещает анекдот, по видимости не связанный с общим содержанием выпуска, но дающий ключ к пониманию целого «Дневника писателя»: вспоминая о встрече с Белинским в молодости, автор приводит восторженные слова критика, прочитавшего сцену об оторванной пуговице Макара Девушкина в «Бедных людях»: «Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг все понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве!» (25; 30–31). Чтобы сообщить читателям суть своей мысли о «русской идее» и о «восточном вопросе», Достоевский воспользовался именно художественными средствами: стилистические и жанровые приемы способствовали созданию «одной чертой» образа, «идеала», который мог быть понят «самым нерассуждающим» читателем, готовым «поверить на слово» автору «Дневника писателя». Идеалистическому характеру цели подчинялись и средства, направленные на достижение ее: отсюда необходимость для художника воспользоваться емким, эффектным языком, соответствующим высоте такого идеала.

Статьи «Дневника писателя» о войне являются доказательством нашего тезиса. После публикации «Высочайшего манифеста о вступлении российских войск в пределы Турции, данного в Кишиневе 12 апреля 1877 г.», восторг писателя еще укрепился. С апрельского выпуска 1877 г. проповедь Достоевского стала еще целенаправленнее, всеми средствами решительно потрясая читателя. Рассуждения Достоевского о «восточном вопросе» наполняются новой силой. Статьи, названные «Не всегда война бич, иногда и спасение» (25; 98), «Спасает ли пролитая кровь?» (25, 101), «Никогда Россия не была столь могущественною, как теперь» (25, 146), «И сердиты, и сильны» (25, 157), «О безошибочном знании необразованным и безграмотным русским народом главнейшей сущности Восточного вопроса» (25, 214) возбуждали национальные чувства и внушали читателю идею законности насилия, законности при определенных условиях. В этической системе «Дневника писателя» насилие становится справедливым, когда речь идет о защите человеческой личности, ее свободы и достоинства: только в этом случае человек, защитник своей и чужой жизни, имеет право прибегнуть к силе. При таких условиях война не вступает в противоречие с этическим началом, а становится неизбежным выбором, поэтому Достоевский призывает к войне, особенно в тех выпусках «Днев-

ника писателя», где описываются пытки, которым турки подвергают невинных: «Как же быть? дать лучше прокалывать глаза, чтоб только не убить как-нибудь турку? Но ведь это извращение понятий, это тупейшее и грубейшее сантиментальничание, это иступленная прямолинейность, это самое полное извращение природы» (25; 222).¹⁸

Апрельский выпуск «Дневника писателя» тоже построен так, чтобы произвести эффект на публику и убедить читателей в правоте автора. Такой цели, во второй главе, служит рассказ «Сон смешного человека». Исследователи всегда обращали внимание на фантастическое начало рассказа, которое приближает его к рассказам Гофмана, «Петербургским повестям» Гоголя или «Пиковой даме» Пушкина, а также на влияние идей французских утопических социалистов Фурье и Сен-Симона.¹⁹ Интерес к содержанию и к литературным источникам рассказа сузил исследование стратегической роли, которую он играет в соответствующем месте «Дневника писателя», после статей о значении войны для осуществления «русской идеи». Монолог героя начинается изложением самооценки («я смешной человек») и суждений других о себе («Они меня называют теперь сумасшедшим»); несмотря на это, в течение всего рассказа «смешной человек» будет утверждать, что он и только он — хранитель правды и что он хочет посвятить свою жизнь проповеднической деятельности. Настойчивое стремление героя защищать такую позицию, доказывать правдоподобность своего сна и настаивать, что увиденное им мирное общество действительно существует, напоминает уверенность и настойчивость автора в представлении своего «русского идеала», несмотря на нападки критиков: «О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, что и во сне моем я видел или почувствовал лишь одно ощущение, порожденное моим же сердцем в бреду, а подробности уже сам сочинил проснувшись <...> Пусть это сон, но все это не могло не быть» (25; 115). Смешной человек назван противниками «юродивым» (25; 117).²⁰ На мой взгляд, в «Дневнике писателя» выполняет роль «юродивого» не только смешной человек из «фантастического» рассказа, но и сам автор, который с помощью фелье-

¹⁸ О религиозно-этической проблематике статей Достоевского по «восточному вопросу» см. также: Тихомиров Б. Н. Гаршин, Достоевский, Лев Толстой: (К вопросу о соотношении евангельского и народного христианства в творчестве писателей) // Статьи о Достоевском: 1971–2001. СПб., 2001. С. 89–107.

¹⁹ См. например: Комарович В. Л. «Мировая гармония» Достоевского // Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике коонца XIX — начала XX века. СПб., 1997. С. 609–610; Хмельевская Н. А. Об идейных источниках рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестник Ленинградского Университета, 1963. Вып. 2. Серия литературы, истории, языка. № 8. С. 137–140.

²⁰ Об этой стороне вопроса см. острую статью норвежского исследователя Петера Воге «Люцифер Достоевского (О рассказе „Сон смешного человека“)» (Достоевский и мировая культура. СПб., 1999. № 13. С. 185–201); тоже: Воге, Петер Норманн. Достоевский: Свержение идолов. СПб., 2003. С. 228–249. — *Ред.*

²⁰ В агиографии «юродивым» является тот, кто сознательно принимает аскетическое и неуставное, безумное поведение как высшую форму смирения; в XIX в. такой тип святости продолжал быть популярным среди простых людей, несмотря на противодействие церковных и гражданских институтов; об этом см.: Ziolkovsky M. Hagiography and Modern Russian Literature. Princeton, New Jersey, 1988. P. 138–170.

тонных приемов сознательно «пародирует» себя и осуществляет свое юродство, а используя приемы проповеди, предстает хранителем правды. Характерно, что целенаправленность такого двойного поведения автора вызвало значительное размежевание русского общества: с одной стороны, постоянные упреки критиков в «болезненном свойстве» ума автора из-за его идей по «восточному вопросу», а с другой — все большее и большее доверие Достоевскому со стороны «обычных читателей», которые смотрели на него как на «спасителя», непонятого образованными и «рассуждающими», но почитаемого простыми и «нерассуждающими».

История восприятия «Дневника писателя» русским обществом содержит в себе немало противоречий. Известно, что с самого начала «Дневник писателя» 1876–1877 гг. имел большой успех среди читателей, которые присылали письма автору со всей России, но одновременно он вызывал в современной критике скептические отзывы, и не только из-за его сходства с одноименными выпусками, выходящими в 1873 г. в консервативном «Гражданине» князя Мещерского, но и из-за характера и формы издания, которое представлялось далеким от канонов традиционной публицистики.²¹ В течение месяцев мнение критики о «странностях» формы издания превратилось в убеждение, что Достоевский, занявшись публицистикой, «взялся не за свое дело»²².

Главная причина враждебности критики к автору «Дневника писателя» заключалась в суждениях писателя о сербо-турецкой войне и о путях разрешения «восточного вопроса». Желание Достоевского внушить читателям новое этико-националистическое сознание, а не произвести строгий анализ текущих политических явлений воспринималось критикой как доказательство склонности писателя думать «фантастически», а не реально: метод, которому Достоевский следовал намеренно, критика считала результатом некомпетентности.

Хотя вначале критики согласились с идеями Достоевского о необходимости образования для народа²³, скоро они заметили, что понятие Достоевского о самом русском народе и о его «высших идеалах» не могло быть ими разделено. 7 марта 1876 г. Г. Градовский, публицист либеральной газеты «Голос», обвинил автора «Дневника писателя» в том, что он не знает русского народа и смотрит на реальность «фантастически»: «Да

²¹ Об этом см. Волгин И. Л. Письма читателей к Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 173–196; Его же. Достоевский и русское общество // Русская литература. 1976. № 3. С. 123–142.

²² Новости. 1876. 7 февраля. № 38.

²³ В январском выпуске «Дневника писателя» 1876 г., Достоевский писал: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских <...> будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» (22; 31). Слова Достоевского вызвали сочувствие радикального критика А. М. Скабичевского, который в своей рецензии «протянул руку» писателю; см.: Заурядный читатель [Скабичевский А.]. Мысли по поводу текущей литературы // Биржевые ведомости. 1876. 6 февраля. № 36.

откуда же стали известны эти идеалы? Какой пророк или сердцевед в состоянии проникнуть или разгадать их, если вся действительность противоречит им и недостойна этих идеалов? Г<осподин> Достоевский оправдывает наш народ в том смысле, что „они немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут“. Но ведь отсюда недалеко и до нравоучения: пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша»²⁴. На самом деле, если позиции Достоевского и критиков радикального и либерального лагеря имели общее начало в надежде на создание более справедливого общества, они расходились в представлениях о том, как эта надежда осуществится. Выраженная Достоевским в ответе критику В. Авсеенко в апрельском выпуске «Дневника писателя» 1876 г.²⁵ вера в то, что «золотой век» осуществится «не в революционном виде», а «в виде божеской правды», «в виде Христовой истины» (23; 46), окончательно укрепила в среде либеральной и радикальной критики его репутацию как реакционера и «мистика». Демократы и народники определили аргументацию возражений Достоевского Авсеенко как «не из сего мира». 18 мая 1876 г. сотрудник демократической газеты «Санкт-Петербургские ведомости» П. Д. Боборыкин обвинил писателя в идеализации: «Протест г<осподина> Достоевского не лишен лиризма, который многим может показаться ненужным, вредным в деле беспристрастного анализа. И в самом деле, при всей своей искренности автор недостаточно отделался от некоторых, так сказать, поэтических порываний и известной доли идеализации...»²⁶. «Снисходительно улыбаясь» над понятием Достоевского о русском народе, сотрудник «Одесского вестника» С. Сычевский подчеркнул необходимость прибегать к данным математической статистики, чтобы говорить о таких сложных темах, как народ, и снова обвинил Достоевского в том, что он не знает народа: «Признаюсь, я улыбнулся, прочтя эту страницу. Я чувствую и охотно верю, что г<осподин> Достоевский говорит все это от чистого сердца. Я допускаю, что его глубочайшее убеждение состоит в том, что в необразованной именно массе есть настоящее местопребывание истины, добра и красоты в их высших проявлениях. Хорошо. Но разве можно так доказывать подобные положения? Я не спорю с г<осподином> Достоевским. Я только улыбаюсь его способу решать такие общие вопросы. Тут нужна статистика, тут нужно указание на общественные и исторические причины, произведшие этот общий факт»²⁷. Требования «статистики», законные при других условиях, не могли найти себе места в «Дневнике писателя». Издание Достоевского являлось попыткой автора беседовать с русским обществом в домашнем и «ненаучном» тоне, следуя специфическому ху-

²⁴ Листок // Голос. 1876. 7 марта. № 67.

²⁵ См.: Авсеенко В. Г. Опять о народности и о культурных типах // Русский вестник. 1876. Т. 122. № 3. С. 362–387.

²⁶ Боборыкин П. Новые птицы — новые песни // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 18 мая. № 136.

²⁷ С. С. [Сычевский С.] Литературные очерки. «Дневник писателя» Достоевского — Характеристика этого дневника и автора его, как мыслителя — Аргументация г<осподина> Достоевского и ее недостатки // Одесский вестник. 1876. 29 мая. № 116.

дожественному методу. Поэтому можно было бы определить оценку этого направления критики как «ошибочную», поскольку она не учитывала сущность объекта анализа и следовала правилам, непригодным для понимания намерений автора и реального значения «Дневника писателя».

Другим доказательством этой «ошибки в оценке» является реакция критики на статьи «Дневника писателя» о сербо-турецкой войне. После высказываний Достоевского о «восточном вопросе» и войне в июньском выпуске 1876 г. нападки критики сделались еще острее. Представление о войне как возможности единения с народом и освобождения славян казалось доказательством присутствия в позиции писателя «двойников» — представителей «светлой» стороны художника и «мрачной» стороны мыслителя и публициста.²⁸ «Голос» определил идеи Достоевского о необходимости для России вступить в вооруженный конфликт как «теорию войны для войны», которая наконец-то заставила писателя снять маску филантропа и показать реальное лицо циника и консерватора.²⁹ С. Сычевский из «Одесского вестника» обвинил писателя в том, что он описанием будущих грандиозных побед России обманывал читателей, заставляя их испытать потом горькое разочарование.³⁰ Многие газеты разделили мнение критика «Одесского вестника»; газета «Молва» утверждала, что прежние выпуски «Дневника писателя» служили только предлогом, чтобы готовить читателей к восприятию теорий Достоевского о «восточном вопросе»: «Пожалуй, лучше уж посмеяться, чем слишком долго полемизировать с такими пророками! Если вы желаете найти выход из этого лабиринта парадоксов — мы вам помочь не в состоянии»³¹.

Среди критиков, пожалуй, только Вс. Соловьев из «Русского мира» воспринял июньский выпуск восторженно, найдя полное согласие со

²⁸ Первым создателем теории о присутствии в позиции Достоевского «двойников» являлся журналист-критик А. М. Скабичевский: «Мне кажется, что в самом г<осподине> Достоевском как писателе сидят два двойника, по-видимому как две капли воды похожие друг на друга, но тем не менее представляющие полную противоположность. Когда вы читаете любой роман г<осподина> Достоевского, вы постоянно видите перед собою двух писателей: один из них представляется вам крайне нервно-раздраженным, желчным экстатиком и к тому же резонером, впадающим то в самый безнадежный, мрачный скептицизм, в котором вы не видите ни тени хотя бы малейшей веры в человека <...>. Но рядом с ним существует другой, совершенно противоположных свойств <...>: в нем нет и тени той узкой тенденциозности, которая преобладает у его собрата, а между тем образы его, представляя самые существенные, заветные, роковые тайники в жизни, имеют глубокое, современное значение» (*Заурядный читатель* [Скабичевский А.], Мысли по поводу текущей литературы. О г<осподине> Достоевском вообще и о романе «Подросток» // Биржевые ведомости. 1876. 9 января. № 8).

²⁹ Л. [Ларош Г. А.] Литература и жизнь. Парадоксалист, выведенный г<осподином> Достоевским, и Асмодей, выведенный г. Полонским // Голос. 1876. 19 мая. № 138; *Его же*. Литература и жизнь. Два слова по поводу смерти Жоржа Санда. Неудавшиеся жоржандовские героини в русском обществе и г<осподин> Достоевский // Голос. 1876. 3 июня. № 152.

³⁰ С. С. [Сычевский С.] Журнальные очерки. Г<осподин> Достоевский и его profession de foi по славянскому народному и восточному вопросам // Одесский вестник. 1876. 15 июля. № 155.

³¹ Литература и журнализм. «Дневник писателя» — ежемесячное издание Ф. М. Достоевского (июнь, июль и август) // Молва. 1876. 26 сентября. № 39.

своими мнениями о «восточном вопросе». В письме к писателю от 3 июля 1876 г. Соловьев пишет: «Сейчас прочел июньский „Дневник“ Ваш и совершенно нахожусь под его впечатлением. <...> Сравниваю то, что Вы называете „Вашим парадоксом“, со всем, что слышал, читал и о чем думал в последнее время по поводу восточных событий <...> — и Вы не поверите, как мне дорог июньский „Дневник“. Прочтя его один раз, я уже, кажется, помню наизусть каждое Ваше слово, мне хотелось бы просто съесть эту дорогую тетрадку»³². В ответе от 16 июля Достоевский называет восприятие критика именно тем, на которое он надеялся при сочинении июньского выпуска: «И вот, сами судите, дорого ли мне или нет, после всего этого, Ваше приветливое слово за июньский №. Значит, Вам понятно было мое слово и Вы приняли его именно так, как я мечтал, когда писал статью мою. За это спасибо, а то я был уже немножко разочарован и укорял себя, что поторопился. И если таких понимателей, как Вы, найдется в публике еще немного, то цель моя достигнута и я доволен: значит, не пропало высказанное слово. А тут как раз и обрадовались: „парадоксы! парадоксы!“... и это говорят именно те, у которых никогда ни одной мысли своей не бывало в голове» (29₂; 102). Достоевский явно не вносит критиков в список потенциальных «понимателей» своей идеи: определяя восприятие Соловьева как именно такое, которое он ожидает от публики, писатель указывает на те педагогические стремления, которые сопровождали его «высказывание до конца», несмотря на ожесточение нападок прессы радикального и либерального лагерей.

Интересным материалом к пониманию характеристики восприятия «русской идеи» читателями «Дневника писателя» представляется письмо читательницы, обратившейся к писателю 30 октября 1876 г.: «Любовь к отечеству — дело хорошее, но у вас, у вас, она доходит до слепого обожания. Меры — хорошие при Иоанне, теперь не только не годятся, просто не мыслимы; сами же говорите, что нас окружает целая стая волков. Ваш взгляд на силы России — изумителен: он поражает своею уверенностью, и как нечто смелое может заставить поверить Вам на слово. И откуда только у Вас такая твердость и любвеобильность? Не Вами я интересуюсь, а процессом мысли, приходящей к такому выводу; я не желаю знать (и не имею право на это) тайн *вашей* жизни, а хочу выискать *истину* общечеловеческой жизни»³³. Читательница из Петербурга, выразившая свои сомнения в возможности создать «идеальное общество», тем не менее нуждалась в ответе и поэтому предупредила писателя о том, что она собирается прилипнуть к нему «как пиявка». Это означает, что сила проповеди Достоевского умела потрясать даже тех читателей, которые с ней не соглашались. Тем не менее, спрашивая, «что делать», читательница остановила внимание на недостатках «практической» и политической стороны идей Достоевского; рассмотренный материал заставляет предполо-

³² Цит. По: Волгин И. Л. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. С. 182–183.

³³ ИРЛИ. Ф. 100. № 29949; частично опубл.: Лит. наследство. Т. 83. С. 656.

жить, что Достоевский скорее стремился найти в публике «нерассуждающего читателя», готового «поверить ему на слово».

Автор «Дневника писателя» нашел такого читателя в А. Арсеньеве, бывшем участнике Народного Славянского Движения, который в письме от 20 ноября 1876 г. благодарил Достоевского за ту горячую поддержку славянского дела, которая так отличалась от «холодного резонерства» окружающего общества: «При подобных обстоятельствах статьи Ваши, полные энергии, веры и задушевности, доставили мне, верующему в славянское дело и имевшему счастье быть в нем действующим лицом, хотя и совершенно незаметным, истинное утешение и отраду, такое утешение, что я счел своей обязанностью лично выразить Вам мою сердечную признательность и чувство глубочайшего к Вам уважения. Ведь сочувственными и ободряющими словами мы в настоящее время не избалованы»³⁴. Письмо Арсеньева является хорошим примером отклика публики на риторические приемы проповеди Достоевского: читатель находит «утешение» в том страстном порыве, который печать отнесла к «мистицизму» и «фанатизму» Достоевского. Положительное восприятие читателями «Дневника...» статей о «восточном вопросе» присутствует и в письме М. Данилевского из Миргорода, датированном 11 ноября 1876 г.: «При том не могу удержаться и не выразить Вам искренней благодарности за то величайшее счастье, которое я чувствовал, читая Ваш Дневник, который заставлял меня и всех, кому я его читал, и плакать и смеяться. Мне приходилось по три раза прочитывать каждый номер, и каждый раз я испытывал одинаковую радость, что у нас есть такие великие писатели, отрезвляющие ум и сердце. Да поддержи Господь на многие лета Ваши силы для славы нашей святой Руси. Признаюсь, что я узнал о Вашем Дневнике только в августе, и с тех пор я не могу оторваться от него: лучшего ничего я не читал. По-моему Вы в Дневнике сразу возвысились над всеми писателями нашими, а может быть, и заграничными. Вами в такой великий исторический момент, какой мы переживаем, счастливый момент, можем гордиться на весь свет. Пусть не перестает Ваше перо просвещать нас тою горячею любовью к России, которая чувствуется в каждом слове Вашего Дневника. Нет, не мастер я выразить ту любовь к Вам, внушающую нам любовь к нашему отечеству!»³⁵. Внимание на энергии и пафосе слова Достоевского, противостоящего «холодному резонерству» русской прессы, заостренное в этих двух читательских откликах, указывает на одну из главных характеристик «Дневника писателя»: «ненаучный» характер анализа, который более склонен проникать в моральные, человеческие аспекты проблем, в ущерб дипломатическим и политическим аспектам. Как выразился один читатель из Киева, Достоевский «просто и без ученой физиономии — подходит к

³⁴ Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 2. С. 305–306 (публикация Т. А. Лапицкой).

³⁵ ИРЛИ. Ф. 100, № 29690; частично опубл.: Волгин И. Л. Достоевский и русское общество. С. 133.

самым глубокомысленным вопросам, к тому, что у всякого наболело, и затрагивает эти вопросы прямо, откровенно, без тени аффектации или „научности“³⁶. Именно такая «ненаучность» делала «Дневник писателя», и в частности статьи о «восточном вопросе», понятными всем «нерассуждающим читателям», живущим в столицах или в провинции, учившимся или недоучившимся, как учитель из Гадяча А. И. Дейниковский, который писал Достоевскому: «Я хочу прочесть теплое, задушевное слово, а такое—то слово я нашел только (да, почти только) в Вашем „Дневнике“. Извиняюсь за сей P.S., в котором я дерзнул иметь свое суждение, я, уездный недоучившийся учитель»³⁷. Горячая, искренняя беседа автора «Дневника писателя» производила «гипнотический эффект» на читателей и через этот эффект действовала и на их разум. Действенность такого метода, способного «отрезвлять ум и сердце», доказана результатом: читатели были так вовлечены, что «читали и перечитывали» статьи «Дневника писателя», солидаризуясь с его содержанием. Автор «Дневника писателя» стал представителем идей и мыслей многих по поводу «восточного вопроса», как ему написала читательница из Изюма А. Носова: «Милостивый государь Федор Михайлович! Подписавшись на 2-й год издаваемого Вами журнала „Дневник писателя“, присоединяю Вам и мою искреннюю благодарность за все удовольствие, доставленное чтением его в семейном кружке нашем, особенно страниц, касающихся Славянского Дела. Вы — как истинный русский, так сочувственно и справедливо выражали чувства многих Вашим талантливым, искусным, живым пером, так, что, читая Ваши страницы, и мы как бы находили только отлично выраженные собственные наши мысли и чувства по поводу этого правого, братского Святого Дела Освобождения Славян»³⁸. Письма читателей говорят о том, что сила статей Достоевского о «восточном вопросе» состояла не в политическом, а в этическом содержании, в идеале братства и национального единения, который они стремились передать. Это указывает на первую и главную разницу между восприятием читателей и восприятием критики, которая видела в «логике чувства» Достоевского доказательство его некомпетентности в политике: согласно материалу нашего анализа, Достоевский стремился сообщить читателям не определенную политическую программу, а новое сознание причастности к России и сформулировать идеал ее роли в судьбах человечества. В горячности таких заявлений некоторые читатели находили ту страсть к Славянскому делу, от которого до провинции доходило только тихое эхо, как пишет Достоевскому учительница из Житомира К. И. Стружестрах в неизданном письме от 6 августа 1877 г.: «Милостивый государь Федор Михайлович! Давно мне хотелось поговорить с Вами о том влиянии, которое имеет на меня чтение Вашего „Дневника“. Я как—то

---

³⁶ Письмо киевлянина Гребцова от 8 июня 1876 г. (Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский и его время. Л. 1971. С. 272–273).

³⁷ ИРЛИ. Ф. 100, № 29692. Письмо от 6 декабря 1876 г. Частично опубл.: Волгин И. Л. Достоевский и русское общество. С. 133.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 100, № 29794. Письмо от 14 декабря 1876 г.

настраиваюсь, читая его, — чувствую, что беседую с русским человеком, и всегда мысленно благодарю Вас за это.

У нас, на Волыни, все так тихо, так безмятежно дремлет, даже теперь, в это горячее время, когда сердце каждого русского должно было бы откликнуться на святое дело, — редко встретишь движения, мотивируемые чувством патриотизма. Конечно, в интеллигентных кругах занимаются политикой, интересуются „злойбой дня“, но все это далеко не то, что у Вас там. Что же касается народа, то о нем и говорить нечего; тут не найдете и сотой доли той горячей готовности служить отечеству, того искреннего сочувствия, которым переполнено сердце каждого Москвича или вообще Великорусского крестьянина. Вот почему здесь дорого каждое слово, дышащее неподдельною любовью к всему русскому...»³⁹.

Пророческий тон Достоевского в дальнейших выпусках «Дневника...» вызвал интересное явление в мире русской журналистики: в рецензиях на «Дневник писателя», которые печатались в последние месяцы 1877 г., преобладал «заупокойный» тон. Критики и публицисты выражали убеждение в том, что с «Дневником писателя» Россия потеряла талантливого романиста и приобрела плохого политика.⁴⁰ В апреле 1877 г. радикально-демократический журнал «Дело» заметил, что, к счастью, в России еще существуют публицисты, которые, в отличие от Достоевского, понимают суть исторических текущих явлений, не поддаваясь бредовым речам в патриотическом духе⁴¹; «Кронштадтский вестник» утверждал, что читатели любят Достоевского только как автора «Записок из Мертвого дома» и именно ради этой любви прощают странности «мрачного двойника» — «Дневника писателя»⁴². Тем не менее, сохранившиеся письма читателей свидетельствуют, что в течение 1876 и 1877 гг. никто из корреспондентов писателя не ссылался на теорию «двух двойников», которая, несомненно, была им известна и распространена во всех органах печати. Негативный эффект, произведенный на русскую печать статьями «Дневника писателя» о «восточном вопросе» и сербо-турецкой войне, противостоял тому конструктивному эффекту, который они продолжали производить на читателей, воодушевленных верой писателя в великое будущее России и в «новое слово», какое она призвана была произнести через православие: «Но что же, однако, это за новое Слово, которое произнесет миру православное славянство? Чего же недостает западному социализму, даже в соединении с католичеством? Ведь социализм и один, сам по себе, включает в себе элементы объединения всех в одно, в одно братское семейство, общество? <...>. Мне сегодня пришлось говорить с одним „европействующим“ субъектом. <...> Он говорит, что человеку надо иметь воз-

³⁹ ИРЛИ. Ф. 100, № 29861.

⁴⁰ См.: Биржевые ведомости. 1877. 21 октября. № 267.

⁴¹ Калейдоскоп // Дело. 1877. Апрель. № 4; Журнальные заметки // Там же. 1877. Июнь. № 6.

⁴² Некто из толпы [Свешников Е. П.]. «Дневник писателя». Ежемесячное издание Ф. М. Достоевского // Кронштадтский вестник. 1877. 22 мая. № 6.

можность — развивать свой ум, тело и нравственное чувство... Только это, и больше ничего. Хорошо питаться, иметь досуг для развития ума и нравственного чувства — и все. А этого, прибавил он, я и без православия вашего, в социализме найду. Правда это? По крайней мере, до появления „Дневника“, т.е. года два тому назад, я и то же говорил. С тех пор пошатнулось во мне старое, а к новому, более путному, я никак не мог прийти...»⁴³.

Это письмо анонимного петербуржца от 14 декабря 1877 г. доказывает наш тезис. Читатель, спровоцированный «Дневником писателя», тщательно рассматривает свои убеждения в области веры и политики; это говорит о том, что даже для читателей, не поддавшихся очарованию проповеди Достоевского, не захотевших ему «верить на слово», «Дневник писателя» все равно оставался собеседником и наставником русского общества.

Итак, убеждение Достоевского, выраженное еще в юности, о том, что публика его поддерживала и понимала больше, чем критика, приобрело основательность с «Дневником писателя» 1876–1877 гг. После объявления в декабрьском выпуске 1877 г. о решении прекратить издание Достоевский получил много писем, в которых читатели выражали свое сожаление и подчеркивали влияние, которое статьи «Дневника писателя» оказали прежде всего на их личную жизнь и идеи. Владелец фермы в Химках под Москвой Н.Л. Озмидов написал Достоевскому 2 января 1878 г., указывая на потерю, которой стало для русского общества прекращение «Дневника писателя»: «Ах, как мне досадно, Федор Михайлович, что больше не буду слышать Ваших наблюдений и Ваших рассуждений об этих наблюдениях! <...> И вот Вы не можете или не хотите сообщать нам свои мысли. А между тем настает неотложная нужда говорить именно о том, что Вы затрагиваете в своих изысканиях. Я не знаю ничего более важного, сложного, более основного, более радикального, более правомысленного затронутых Вами вопросов. Я поразился, когда стал Вас читать»⁴⁴.

Письма, которые читатели писали Достоевскому в последние месяцы 1877 и в первые месяцы 1878 г., дали ему возможность проверить результаты своей двухлетней работы. В некоторых письмах к знакомым писатель выражает удовольствие «нерассуждающим» восприятием «Дневника писателя» со стороны публики и подтверждает, что в ней он нашел много единомышленников, настоящих русских: «А главная наука в том, что истинно русских людей, не с исковерканным интеллигентно-петербургским взглядом, а с истинным и правым взглядом русского человека оказалось несравненно больше у нас в России, чем я думал два года назад. До того больше, что даже в самых горячих желаниях и фантазиях моих я не мог бы этого результата представить. Поверьте, мой дорогой, что у нас в России многое совсем не так безотраднo, чем прежде казалось, а

---

⁴³ Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 235–236 (публикация А. В. Архиповой).

⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 100, № 29798. Достоевский ответил корреспонденту в феврале 1878 г. (см. 30; 10–11).

главное — многое свидетельствует о жажде новой, правой жизни, о глубокой вере в близкую перемену в образе мыслей нашей интеллигенции, отставшей от народа и не понимающей его даже вовсе» (Письмо С. Д. Яновскому от 17 декабря 1877 г. — 29₂; 179). Доказательством успеха его педагогического проекта стало для Достоевского то, что читатели больше всего хвалили «Дневник писателя» за те чувства любви и уважения к русскому народу и к родине, которые он внушил им. Вот каким образом в письме от 9 января 1878 г. выразился учитель нарвской гимназии К. Галлер: «Примите от меня мою искреннейшую признательность за все те светлые и новые мысли, которые я вычитал из „Дневника“, где я особенно сочувствую Вашей любви к нашему простому народу, который и я привык любить и уважать, так как, родивши<сь> и проводивши детство в степях Саратовских и Самарских, я не мог не любить и не уважать его»⁴⁵. Так же выразился Н. Горелов из Торжка в письме от 6 января 1878 г.: «Приношу вам спасибо прежде всего за себя: под влиянием „Дневника“ я сознаю, как я окреп во взглядах на самые дорогие стороны в жизни нашей родины; ваша любовь к народу и отечеству действовала на меня самым животворным образом... Благодаря влиянию вашей беседы я смею начинать беседы с учениками о тех сходящихся самоописывающихся сферах <? — нрзб.>, которые так бойко разошлись и вертятся по лицу русской земли, и беседа всегда заканчивается трезвыми опровержениями и указаниями сложности постановок вопросов и убедительными доказательствами в пользу совершенно обратного взгляда на русскую жизнь в разнообразности ее проявлений. Спасибо вам от меня, как воспитателя, и за учеников»⁴⁶.

Слова Н. Горелова доказывают, что в части публики уже создавалось то новое национально-этическое сознание, которое явилось главной целью автора «Дневника писателя»: «Не будь этих 2-х лет войны, — писал Достоевский, — и не догадался бы никогда о том, что, при всем несомненном дурном в народе за эти годы, к нему привилось сверх того политическое сознание, точное понимание смысла и назначения России (если не вполне точное, то все больше и больше точнее), одним словом, привилась и развилась высшая идея» (Письмо Л. В. Григорьеву от 21 июля 1878 г. — 30₁; 41).

Свидетельства симпатии публики укрепили уверенность Достоевского в важности своего назначения для русского общества, но одновременно показали ему, что много еще надо сделать в мире, «висящим на волоске»⁴⁷. Последней попыткой писателя выполнить свою миссию является

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 64 (частично опубл.: Волгин И. Л. Достоевский и русское общество. С. 135).

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 70 (частично опубл.: Русская литература. 1976. № 3. С. 135).

⁴⁷ В последнем выпуске «Дневника писателя» 1877 г. Достоевский писал: «Авось до близкого и счастливого свидания. Время теперь славное, но тяжелое и роковое. Как много висит на волоске именно в настоящую минуту, и как-то заговорим обо всем этом через год!» (26; 128).

Пушкинская речь, которую он произнес в Москве 8 июня 1880 г., став для России настоящим «пророком». Множество свидетельств обновления в этой связи чувств читателей к писателю находятся в письмах самого Достоевского или в воспоминаниях современников.⁴⁸ Вот письмо, написанное К. И. Васильевым из города Кирилова 31 января 1881 г., через три дня после смерти Достоевского, которое, по своей преданности и любви к писателю (о кончине которого корреспондент еще не знает), является идеальным заключением нашего анализа:

«Милостивый государь Федор Михайлович,

Посылаю Вам привет искренний, глубокий, русский, простой, задушевный, ну, словом, такой, какого нельзя — не могу высказать, а в особенности написать, какой, Вы очень хорошо поймете какой и нас научили понимать. Любить Вас так, как Вас любят Ваши читатели, которых и я знаю, разумеется, надо заслужить, а Вы давно, давно уже заслужили это.

Прочтите эти горячие, здоровые, теплые мои приветствия; пусть они Вас оживят, исцелят, непременно исцелят. Вы сами в них верите, — как струя живая ручейка освежает иногда уставшего, больного, утомленного труженика или путника; пусть этот живительный ручеек, который Вы же и открыли — идеал русский — народ русский, с того времени он и проявил свое жизненное течение, и теперь его уже не остановить никому — пусть он теперь Вам пригодится и порадует Вас, утолит Ваше больное тело, исцелит Вас и воскресит.

Встаньте, встаньте, ходите, пишите! на славу русского народа: он велик, силен; просит Вас еще поработать. Пушкин да Вы из первых его представителей, и в первой паре, рядком, история русская вас поместит.

Поживите же и поглядите на сынов своих, может скоро они поубьются маленько и на них будут смотреть и другие поласковее да добрее, а когда возмужают (доживите до этого часа, может он уже и скоро придет), тогда уже, разумеется, ничего с ними не поделают, своим разумом и жить станут; поживите, еще понаучатся, а там, может, и совсем научатся и заживут хорошо, дружно; но уже до этого мне с Вами и детям нашим не дожидаться.

Главное, память — то о Вас не умрет; она всегда будет жива, вечна и жить будет! Поверьте. Дай же Бог Вам поправиться скорее и пожить еще с нами подольше. Да уже Вам бы часочек, другой следовало и отдохнуть, а то все за работою да за работою. Отдохните — ка, пожалуйста. „Дневник“ Ваш может и подождать: не беда какая, а в особенности и для Ваших читателей.

---

⁴⁸ См. письмо писателя к жене от 8 июня 1880 («Нет, Аня, нет, ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она (речь — Р. В.)! Что петербургские успехи мои! Ничто, нуль сравнительно с этим!» — 30; 184); также см. письмо к С. А. Толстой от 13 июня 1880 г.: «Верите ли <...> что в публике, после речи моей, множество людей, плача, обнимали друг друга и клялись друг другу быть впредь лучшими» — 30; 187). См. также воспоминания Н. Н. Страхова, Д. Н. Любимова и др. (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: Т. 1. С. 512–513; Т. 2. С. 418–419).

Уверен, что Вы за простоту мою (хотя Вы ни разу меня и не видали) не рассердитесь на меня; я русский человек; до других — конечно, дела мало будет; пусть себе хихикают как хотят — хотел было сказать — по-жидовски, но ведь есть и из них, хотя очень мало, которые Вас хоть немного — да уважают.

Примите уверение в глубоком почтении и истинном уважении читателя и почитателя таланта Вашего и Вашего покорнейшего слуги

*К. Василев*⁴⁹.

---

⁴⁹ ИРЛИ. Ф. 100, № 29657 (частично опубл.: *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. М., 1986. С. 502).